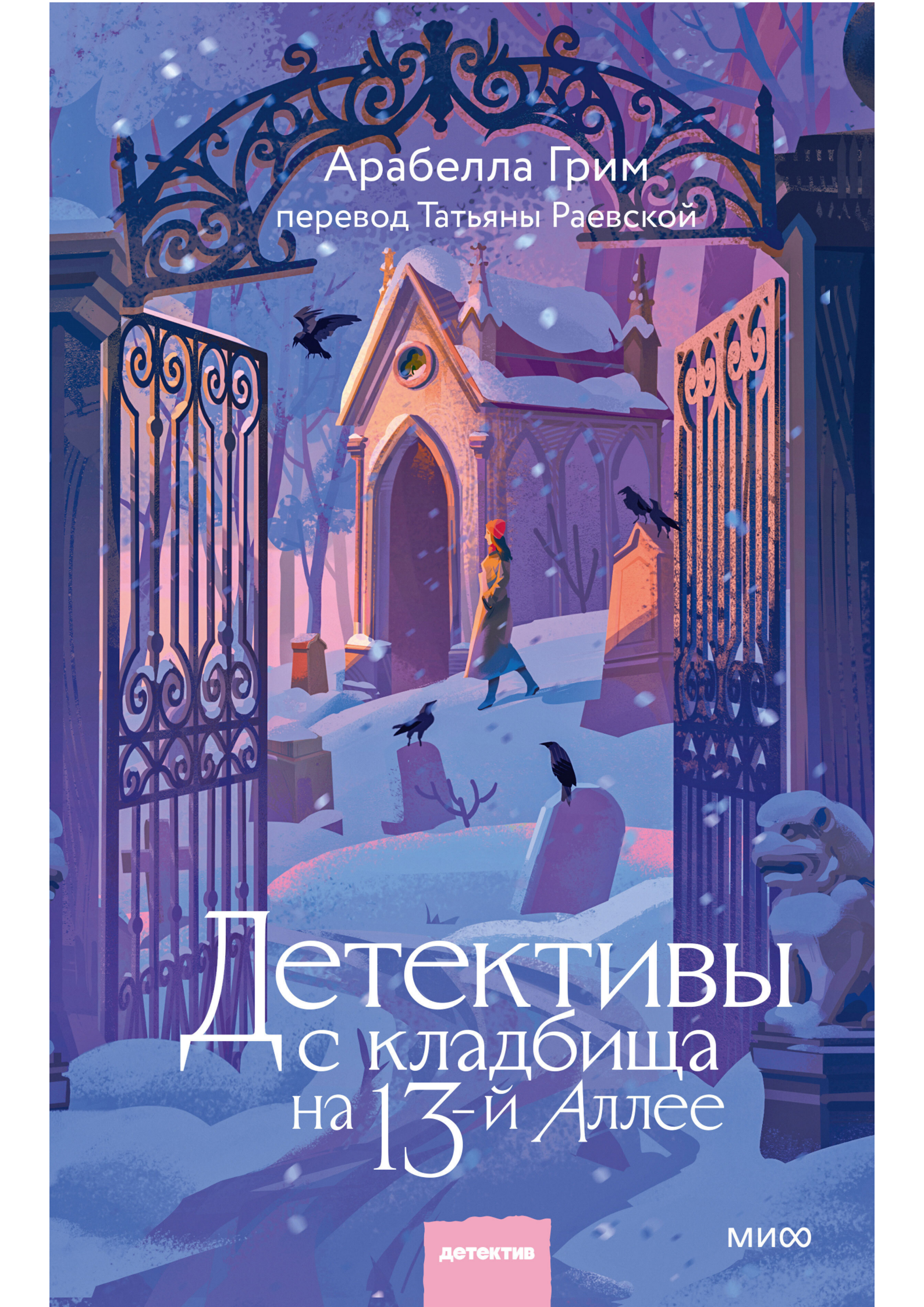

Арабелла Грим
перевод Татьяны Раевской

Детективы с кладбища на 13-й Аллее

детектив

МИО

МИФ Проза

Арабелла Грим

**Детективы с кладбища
на 13-й Аллее**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2025

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-445

Грим А.

Детективы с кладбища на 13-й Аллее / А. Грим — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281323-0

Пока Париж готовится к Рождеству, на 13-й Аллее не до праздника – 1 декабря находят тело известной в округе пожилой женщины, которая всю жизнь помогала нуждающимся. Полиция не спешит искать виновных, поэтому молодая смотрительница кладбища Элоиза, ее заботливый однокурсник Саша, невозмутимая танатопрактичка Романа и уставшая журналистка районной газеты Андреа собираются в мавзолее и решают начать собственное расследование. У них есть 24 дня до Рождества, чтобы докопаться до правды. Но чем ближе праздник, тем больше тайн открывает заснеженное кладбище и тем опаснее становится расследование. Успеют ли они раскрыть дело, пока убийца не нанесет новый удар?

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-445

ISBN 978-5-00-281323-0

© Грим А., 2025
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2025

Содержание

Пролог	7
1 декабря	9
2 декабря	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Арабелла Грим

Детективы с кладбища на 13-й Аллее

Original title:

LES DÉTECTIVES DE L'ALLÉE 13: NOËL AU BALCON, MORT À L'HORIZON

Arabella Grìm

На русском языке публикуется впервые

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя.

Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2025 Charleston, une marque des Éditions Leduc, 76 Boulevard Pasteur, 75015 Paris – France

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2027

* * *

Посвящается матерям и бабушкам, которые ушли слишком рано

Пролог

Я сошла со сцены первого ноября, в День всех усопших – словно напоследок подмигнула судьбе. Но скажу по секрету, никакого гениального плана у меня не было. Все произошло неожиданно. Врач, человек практичный, недолго думая, заключил: инфаркт. Случился он как раз в тот момент, когда я пыталась выпрямить покосившееся надгробие, которое, вероятно, задела похоронная процессия. А надгробные камни, знаете ли, весят как мертвый осел... И тут – бах! – сердце не выдержало.

Видимо, я переоценила свои силы. Как и время, которое мне еще оставалось. Если бы я знала, что все случится так быстро, то подготовила бы Элоизу. Успела бы шепнуть ей несколько тайн перед уходом. Показала бы ключ, спрятанный в старой детской считалке. Объяснила бы смысл рисунка, который она вытатуировала на плече в память обо мне.

Вместо этого мне оставалось лишь бессильно наблюдать за ее горем из того странного промежутка между мирами, где задерживаются души, которые еще не готовы отправиться в последнее путешествие.

Боже мой, как же внучка любила меня!

Сначала она замкнулась в себе. Почти позволила себе увянуть, как те цветы, что люди засушивают между страницами книги: они навсегда остаются бледными и сухими, уже не чувствуют ни ласки солнца, ни поцелуев жадных до нектара пчел.

Однако женичины рода Грим обладают такой жаждой жизни, которую не способно погасить ни одно испытание. Выплакав все, что могла, уничтожив неприличное количество мороженого и заслушав мои старые виниловые пластинки до последней царапины, Элоиза наконец взяла себя в руки. Приняла долгий душ, более чем необходимый, и вернулась в университет.

С тревогой и нежностью я наблюдала, как она выходит из корпуса факультета психологии, прижимая к груди толстую тетрадь. В отличие от большинства однокурсников, она отказывалась конспектировать лекции на ноутбуке и по старинке списывала двойные листы аккуратным округлым почерком.

Рядом с ней шагал молодой человек лет двадцати. Светловолосый и, надо признать, весьма привлекательный. Он смотрел на нее с мягкой теплотой и старательно подстраивался под ее шаг, чтобы не отстать.

Элоиза слушала его вполуха и время от времени кивала. Скорее всего, в этот момент она размышляла, как бы избавиться от него, не показавшись при этом ужасно невежливой.

Она ускорила шаг, чтобы успеть на метро. Всю дорогу молча смотрела на свои туфли. Выйдя со станции, почти побежала. Но парень не отставал.

А ведь он выглядел неглупым, этот высокий красавец! Как можно было не замечать столь очевидных сигналов?

Он все говорил и говорил, то и дело оглядываясь через плечо. Заинтригованная, я посмотрела в ту же сторону и с ужасом поняла причину его настойчивости.

Кто-то следил за ними еще от университета и теперь, притаившись за газетным киоском, сверлил их недобрый взглядом.

Арабелла Грим

1 декабря

Элоиза Грим на сегодня уже исчерпала свой запас социальных взаимодействий: плотный ритм лекций и семинаров, бесконечный гул аудиторий с сомнительной акустикой, а теперь еще и вынужденная теснота в метро среди пассажиров, от которых пахло то едой, то потом, – все это вызывало у нее легкую тошноту. Ей хотелось одного: вернуться в свой уютный кокон и спрятаться от предрождественского безумия, охватившего Париж.

Город уже нарядился в тысячи мигающих украшений и вздрагивал от оживления, слегка агрессивного. Из витрин лилась рождественская музыка, перевозбужденные дети носились зигзагами между взрослыми, а улицы наполнял запах глинтвейна. Выйдя из метро, Элоиза поежилась и запахла полы пальто на узкой груди. За ней почти вплотную шел Саша, однокурсник. Она попыталась пробраться сквозь толпу, но не успела увернуться от мужчины, который неся прямо на нее, прижав телефон к уху.

Длинное пальто поверх элегантного костюма, туфли, стоявшие, наверное, как семестр в университете, и выражение лица – сосредоточенное и самодовольное одновременно, как у людей, которые считают себя незаменимыми для нормального течения мироздания. Он шел напролом, не дрогнув перед волной прохожих, вынужденных расталкивать друг друга плечами, чтобы его обойти. Элоиза как раз сдвинулась вправо, пропуская на тротуар стайку шумных школьников, и избежать столкновения уже не смогла. Мужчина, словно лайнер на полном ходу в море пешеходов, врезался в нее всем корпусом.

– Смотреть надо! – бросил он зло.

– Он это серьезно?

Возмущенная, она резко обернулась, готовая вступить в бой.

– Забей, он просто придурок, – сказал Саша и потянул Элоизу за руку.

– Это точно. Тут даже не наглость, это уже следующий уровень...

– Перед праздниками люди сходят с ума. Не обращай внимания, – добавил Саша мягким, почти нежным голосом.

Вообще-то, он говорил мало. Кроме случаев, когда рядом была она. Тогда слова у него сыпались, путались, спотыкались друг о друга. Саша Джордано совсем не походил на классический образ студента-психолога. Высокий, крепкий, с волосами цвета венецианского блонда, он излучал ту надежность, которую обычно приписывают пожарным, старшим братьям или друзьям, способным прийти и повесить полку без лишних просьб. Одевался он сдержанно и пользовался пудровым парфюмом, который Элоиза успела окрестить «пыткой для обоняния».

– Да, странно, что нам об этом на занятиях не рассказывают. Дурацкие песенки, телефильмы, полностью оторванные от реальности, семейные сборища – унижительные и травматичные, компульсивные покупки, после которых все остаются без гроша, – перечислила она

звонким резковатым голосом. – Я уже вижу, какой диагноз можно поставить согласно DSM¹. Назвали бы это синдромом Санты. Что-то вроде разновидности стокгольмского синдрома.

У Элоизы Грим была такая манера говорить, будто слова срывались с ее губ быстрее, чем она успевала их обдумать: стремительно, очередями, без всякого фильтра. Воодушевленная идеей, она заговорила еще быстрее обычного, так что даже TGV² с трудом поспел бы за ней. Ее покрасневшие от холода руки, длинные и тонкие, двигались в воздухе, энергично дирижируя голосом-флейтой.

Предложение явно позабавило Сашу. К тому же ему было приятно видеть, что хотя бы на время она оставила попытки от него отделаться. Он рассмеялся от души.

– А что, вполне можешь сделать это темой своей магистерской, – заметил он, взъерошив волосы. – Кто знает, может, прославишься этим открытием.

– Ага, давай, издевайся!

– Нет, правда. Я прямо вижу, как ты разъезжаешь по всему миру с лекциями и предреждаешь семье об этом мерзавце Санте. Уверен, когда-нибудь тебе поставят памятник.

Элоиза тоже рассмеялась – звонко, чисто. Саша впервые слышал ее смех, невероятно женственный и в то же время сохранивший детскую непосредственность. Очарованный, он почувствовал, как щеки заливают румянец, и опустил голову, молясь, чтобы она ничего не заметила. В семье Джордано показывать эмоции считалось слабостью.

– Похоже, ты не очень любишь Рождество, – сказал он, чтобы сменить тему.

– Раньше было иначе... – уклончиво ответила она и ускорила шаг.

Элоиза хотела бы сказать, что этот шумный период ярких огней и раздражающих песен действовал ей на нервы всегда. Но все было наоборот. Долгое время Рождество оставалось для нее волшебной паузой, надежным убежищем в мире, который часто звучал слишком громко.

С бабушкой декабрь превращался в настоящую сказку. С того самого дня, когда Арабелла, словно добрая фея, приняла пятилетнюю Элоизу в своем уютном доме, она не переставала высекать искры счастья из обычных будней. С первого дня адвента мавзолей наполнялся запахом еловых ветвей, тихим сиянием свечей в сумерках и радостным звоном елочных игрушек, которые доставали из старого деревянного сундука. У каждого подвесного ангелочка была своя история, у каждой ленты – воспоминание. Их Рождество было гимном свету, щедрости и Селле – маме Элоизы, чье отсутствие смягчали нежные истории Арабеллы.

Но даже феи однажды уходят.

Именно Элоиза нашла ее тело, все еще окутанное тем восточным ароматом, который бабушка так любила. С тех пор мир словно потерял цвет. Рождество без Арабеллы было как елка без гирлянд или камин без огня. Элоиза отогнала воспоминание, резко качнув головой, и глубоко вдохнула.

– Ладно, – сказала она, внезапно остановившись. – Здесь мы расходимся.

Это был не вопрос. Однако в голове у Саши немедленно выстроилась целая очередь из вопросов.

– Разве ты не говорила, что идешь прямо домой?

– Я уже дома.

Он недоверчиво отступил на шаг, чтобы лучше рассмотреть место. Они стояли перед входом на знаменитое кладбище Сен-Пер в самом сердце Парижа. Она что, неудачно пошутит? Надеялась напугать его и отбить желание провожать ее в будущем?

– Ну конечно, – с иронией сказал он. – Ты, значит, живешь на кладбище...

– Между прочим, такое случается с очень приличными людьми.

¹ DSM – это сокращение от Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders («Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам»). Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

² TGV – Train à Grande Vitesse, суперскоростной поезд.

– И как же это случилось с тобой?

– Я унаследовала бабушкин договор аренды. Взамен взяла на себя ее работу смотрительницы. У меня остается время на учебу и есть небольшой доход.

– Серьезно?

– А ты думал, такому кладбищу не нужен присмотр?

– Н-нет, – пробормотал он. – Просто... мрачновато жить в таком месте одной.

– Я никогда не бываю совсем одна. Управляющая весь день здесь, и ты даже не представляешь, сколько людей проходит через кладбище: родственники умерших, туристы, похоронные службы...

– А ночью?

– Ночью соседи у меня спокойные, – улыбнулась она. – И потом, за мной присматривает Гонзаг.

– А... Гонзаг. Понятно.

А он-то по глупости решил, что эта бледная красавица с меланхоличным взглядом – такая же одинокая душа, как он сам. Вот идиот. Конечно, у нее должен быть парень. И с таким именем это наверняка какой-нибудь романтический страдалец – поэт или художник, выгуливающий свою тоску среди кладбищенских склепов. Перед мысленным взором Саши возникла Элоиза под руку с загадочным брюнетом, который одним взглядом сумел разгадать все тайны ее души... И мужчина этот был полной противоположностью ему самому. Юноша покраснел, мысленно оценивая свою слишком мускулистую фигуру, которую не втиснуть в элегантный пиджак, свои руки-лопаты и лицо мальчика из церковного хора, которого слишком хорошо кормили. Даже в собственной семье чистокровных итальянцев он выглядел чужим. А уж среди многочисленных поклонников Элоизы Грим... Он внезапно сник и чуть было не повернул назад, но передумал. В конце концов, он проводил ее не просто так.

– Теперь понимаю, почему ты столько знаешь о горе, – сказал он тоном, который надеялся сделать непринужденным. – Ты сегодня заткнула Эльзу. Ей не понравилось.

Эльза, главная змея курса, получила по заслугам, подумала Элоиза и сдержала насмешливую улыбку.

– Не заметила, – беззастенчиво солгала она, пожав плечами. – Но да, горе мне знакомо...

– А я больше по части преступного поведения. Мой отец комиссар, и...

– Да ладно? Круто! – Элоиза вдруг оживилась. – Я обожаю тру-крайм³, представляешь? Потом хочу стать криминологом.

Саша не мог упустить этот шанс. Он так долго искал способ установить с ней хоть какую-то связь! Наконец-то удалось.

– Если хочешь, я помогу тебе получить стажировку. Дашь номер? – сказал он, протягивая телефон.

Элоизу не пришлось просить дважды. Она внесла свои данные и тепло поблагодарила его, глядя прямо в глаза.

Через секунду она ушла, но Саша понял это не сразу. Ее миндалевидные глаза, подчеркнутые черной подводкой, будто отпечатались у него на сетчатке. Какого цвета была радужка? Карего? Хаки? Янтарного? Оттенки, о которых обычно никто не мечтает, но ему они казались самыми прекрасными в мире.

Когда он пришел в себя, Элоиза уже подходила к пожилой женщине, которая раздавала суп беднякам в нескольких метрах от входа. Он попытался помахать ей, но она не увидела.

Смирившись, Саша повернул назад. По дороге бросил взгляд на киоск, на другой стороне улицы. Человек, который следил за ними от университета, все еще был там. Саша принял бес-

³ Тру-крайм – жанр документальных книг, подкастов, сериалов и передач о реальных преступлениях. *Прим. ред.*

печный вид, даже начал насвистывать, переходя дорогу, чтобы не выдать себя, а затем резко двинулся к цели – потребовать объяснений.

Элиз была весьма колоритной особой. Никто не знал ни ее возраста, ни ее прошлого, а смельчаки, пытавшиеся выведать хоть что-нибудь, надолго запоминали полученную отповедь. Элоиза радостно поздоровалась:

– Привет, Элиз!

Но старушка не обернулась. Элоиза повторила имя трижды, каждый раз все громче, пока та наконец не отозвалась. Неужели она совсем теряет слух?

– Привет, красавица! Сегодня курица с кукурузой, будешь? Тебе не помешало бы подкрепиться, а то одна кожа да кости.

– Нет, все нормально, я не голодна, – соврала Элоиза.

С каждым годом Элиз все щедрее лила на себя духи – дешевую жидкость с рынка, – убежденная, что покупает остатки из чана великого парфюмера. Химический шлейф плохо сочетался с ароматом, который поднимался из котла.

– Оставь свои блюда для подопечных, – сказала Элоиза, – и для птиц.

– О, моя сладкая, птицам я теперь почти ничего не даю! Колени уже не сгибаются так, чтобы перешагнуть порог балконной двери и наполнить кормушку. Но я вполне могу накормить одного воробушка. – Она настойчиво протянула девушке дымящуюся миску.

Элоиза с опаской попробовала суп.

– Надо же, а ведь вкусно!

– Конечно, вкусно. Иначе зачем бы они приходили каждую неделю столько лет? – ответила старуха, указав на очередь бездомных.

Элоиза улыбнулась и съела еще ложку. Сколько она себя помнила, Элиз всегда была частью пейзажа – как вековые надгробия, которые не сдвинет с места даже самая страшная буря. Каждый четверг ровно в пять вечера, невзирая на снег или жару, она вставала рядом со входом на кладбище, раскладывала пластмассовый столик для кемпинга, ставила на него стопку разномастных плошек, разжигала старую горелку прямо на земле и варила суп в сосуде, больше похожем на ведьмин котел, чем на обычную кастрюлю. Летом она ограничивалась гаспачо.

С годами вся эта процедура, с бесконечными походами туда-обратно из дома напротив, где была ее квартира, давалась все тяжелее. Элиз в конце концов согласилась, чтобы ей помогал социальный работник – мужчина лет сорока, всегда готовый прийти на выручку. Но он обязан был исчезнуть, как только ставил на землю таз для грязной посуды.

– Если хочешь, могу тебе помочь, когда закончишь, – рискнула Элоиза.

– Еще чего! Тебе не платят за помощь старухам из квартала. Тем более у тебя уже есть работа, моя милая, и домашние задания, наверное, тоже, да? – мягко отчитала ее Элиз.

– Да, но...

– Никаких «но». Пустую кастрюлю до дома я донесу. У меня, напомним, есть лифт.

Элиз считала делом чести самой все убрать после раздачи. Выполнив свою миссию, она наносила голубые тени на морщинистые веки, подводила глаза черным карандашом, густо красила губы ярко-розовым и окутывала себя тем, что называла облаком духов. После этого она считала себя готовой навестить любовь всей своей жизни.

– Вы еще долго болтать будете? Тут, между прочим, люди мерзнут! – вмешался голос, настолько хриплый, будто тонул в потоках мокроты.

Элиз покраснела и так высоко подняла брови, что Элоизе показалось, они вот-вот доберутся до корней платиновых волос. Старушка взмахнула рукой с половником в сторону грубияна; на внутренней стороне ее запястья мелькнула татуировка в виде двух переплетенных сердец.

– Будем болтать столько, сколько захотим, мой милый! И не вздумай учить меня работать, а то свой суп получишь прямо в морду, с размаху. Понял?

Пристыженный мужчина, который прекрасно знал, что она способна исполнить угрозу, еще немного поворчал для вида, чтобы не потерять лицо перед развеселившимися товарищами, но потом опустил голову и признал поражение.

– Ладно, Мама Но, я не хотел тебя злить.

– То-то же, – смягчилась Элиз.

*Мама Но*⁴. Каждый раз, когда Элоиза слышала это прозвище, сокращение от «Мать Ноэль», она не могла не улыбнуться. Местные бездомные наградили Элиз этим прозвищем за щедрое сердце и, вполне вероятно, за не менее щедрые формы. Сама Элоиза в детстве любила думать, что Мама Но имеет связи на Северном полюсе. Надо сказать, с короткой стрижкой, бровями, нарисованными карандашом, и полудюжиной ожерелий Элиз не походила ни на кого. Каждый год Элоиза тайком засовывала маленькое письмо в один из ее карманов, надеясь, что та уговорит Деда Мороза исполнить ее желания. Но если игрушки из списка она получала часто, самая заветная мечта – вернуть родителей – так и не сбылась.

При мысли о трагедии, которая стала переломным моментом ее детства, горло сжалось. Теперь, лишившись и бабушки, она чувствовала себя одинокой как никогда. Словно прочитав эти мысли, Элиз тихо сжала ее плечо.

– Держись, моя милая?

Элоиза грустно улыбнулась.

– Не очень, если честно. Когда Арабелла умерла, у меня было чувство, будто от меня что-то оторвали, как пластырь с кожи. И с тех пор... нет, глупости! – оборвала она себя.

– С тех пор? – подбодрила ее Элиз и погладила по щеке.

– Не знаю... Я уже не такая, как раньше. Эти мурашки, когда я хожу по кладбищу, та считалка, которую она постоянно пела мне в детстве и которая вспоминается урывками... У меня ощущение, будто я должна что-то сделать, что-то продолжить, только не понимаю что.

Элиз отступила на шаг. Элоизе показалось, что ее прекрасные зеленые глаза подернулись пеленой, приглушившей их блеск. Девушка тут же упрекнула себя за неловкость: Мама Но тоже потеряла Арабеллу, а она ведет себя так, будто страдает одна.

– Прости, – сказала она, нервно прикусив губу. – Я знаю, она была твоей подругой... Просто я злюсь на себя: мало разговаривала с ней, мало спрашивала о ее жизни, о прошлом.

– Оставь прошлое там, где оно есть. Оно принадлежит только ей. Я храню лишь хорошие воспоминания: наши ежемесячные встречи за чаем и чудесным песочным печеньем, ее юмор... Твоя бабушка была чертовски смешной. Сколько мы с ней хохотали!

– Да, она была смешной, – признала Элоиза.

Она попыталась улыбнуться, но по щеке скатилась слеза. Она отвернулась, чтобы спрятать боль, но старуха все заметила.

– Я ужасно злюсь на нее за то, что она вот так тебя оставила, – сказала Элиз твердо. – Поверь, когда придет мой час, я переверну весь рай, чтобы ее найти, а когда найду, выскажу все, что думаю!

– Скажи ей лучше, что я скучаю и люблю ее. И главное – скажи как можно позже, ладно? Ты теперь почти единственная семья, которая у меня осталась.

У Элиз тоже заблестели глаза. Она крепко обняла Элоизу. Девушка позволила себе раствориться в этом объятии, забыв и холод первого декабрьского вечера, и тяжелые духи, которыми Элиз щедро облилась.

– Рождество проведем вместе, да? – спросила старуха. – Я принесу шампанское.

⁴ Игра слов. По-французски «Дед Мороз» – Père Noël (Отец Ноэль, Папа Ноэль), сокращенно Папа Но. Соответственно, Mère Noël можно перевести как Мама Но или Мать Но. Русским аналогом прозвища была бы Бабушка Мороз.

– Да, конечно. Она бы хотела, чтобы мы сохранили традицию. И Лена уже на старте, как и каждый год, – ответила Элоиза с улыбкой. – Только не разоряйся на шампанское. Игристого вполне достаточно.

– За меня не волнуйся. У меня хватит на бутылку. И даже на ящик, если захочу!

– купишь на свою маленькую пенсию?

– На мое спрятанное сокровище, – сказала Элиз и подмигнула. – Ладно... если я хочу успеть к любимому до закрытия, надо включать турборежим!

В подтверждение своих слов она взяла тарелку и налила туда половник дымящегося супа. Элоиза поставила свою миску в таз для грязной посуды и отошла, послав старушке воздушный поцелуй.

– Если будет закрыто, когда придеешь, просто позвони. Для любви я всегда сделаю исключение! – крикнула она театральным тоном.

Элиз благодарно улыбнулась, но Элоиза прекрасно знала: та не опоздает. За сорок лет она ни разу не пропустила четверговой визит к мужчине своей жизни, погибшему в самом расцвете лет.

И вот – тишина. Покой. Мир.

Стоило ей переступить границу кладбища, как Элоиза почувствовала, что оживает. Долой уличный гам, несмолкаемый хор моторов и автомобильных гудков, рождественскую истерию, из-за которой парижане становятся еще более несносными, чем обычно, и, конечно, вечную песню Мэрайи Кэри, которую каждый декабрь снова и снова изрыгают уставшие динамики бара напротив! Теперь – только приглушенный шорох ее подошв по гравию, крики ворон, уносимые ветром, и сдержанная поступь скорбящих, которые ищут дорогу к выходу из лабиринта могил.

Элоиза замедлила шаг. Атмосфера Сен-Пер действовала на нее умиротворяюще. Она прислушалась к своим ощущениям, вдохнула слегка терпкий аромат декабрьского воздуха и окинула взглядом могилы, по большей части еще ничем не украшенные. Совсем скоро на них появятся цветы, веточки остролиста и омелы и другие трогательные знаки памяти и любви.

В отличие от большинства людей, особенно ее возраста, Элоиза нигде не чувствовала себя так хорошо, как на кладбище. Может, потому, что была стара душой. Может, потому, что это место всегда было частью ее жизни. А может, потому, что любимая бабушка умела снять с этой работы налет страха.

«Наши жильцы вполне приятные, вот увидишь! Нетребовательные. А все, что ты им дашь, они вернут сторицей».

Арабелла всегда говорила о них так, будто они все еще пребывали среди живых.

Но где теперь была она сама?

Низкий голос директрисы кладбища внезапно выдернул Элоизу из воспоминаний.

– Хей, Эло! – крикнула Лена Якобссон и махнула ей рукой.

С прямой, почти военной осанкой и идеально скроенными костюмами Лена Якобссон напоминала скандинавского генерала в разгар военной кампании. С той лишь разницей, что костюмы ее были ярких цветов – винного, мшисто-зеленого или ослепительно-синего, а ногти на крупных широких руках сияли безупречным лаком. В шестьдесят один год шведка выглядела на десять лет моложе. По субботам она занималась скалолазанием, каждое утро молилась и никогда не отказывалась от очередного «укола красоты». Еще она обожала водружать свои метр девяносто два на голову обжимательные каблуки, отчего становилась еще внушительнее.

Элоизе хотелось одного: забаррикадироваться дома, спокойно почитать и ни с кем больше не общаться до конца дня. И все же она безропотно свернула к начальнице, которая оживленно беседовала с Андреа Силвой и Романой Левек.

– У вас есть все, что нужно? – Лена обращалась к обеим женщинам.

Ей ответила Андреа Силва, внештатная журналистка районной газеты.

– Да, спасибо. Честно говоря, я даже рада, что с похоронами придется подождать. У меня будет больше времени написать некролог.

В свои тридцать шесть эта красивая мулатка отличалась обезоруживающей прямоотой, порой даже резкой. Она не носила ни украшений, ни косметики и предпочитала городской стиль – простой и удобный. Закутавшись в пальто оверсайз, она записывала в потрепанный ежедневник даты предстоящих похорон, мысленно прикидывая, сколько времени у нее осталось, чтобы написать достойный материал до последнего прощания. Работала она быстро, качественно и без лишних сантиментов. Вероятно, сказывались годы, проведенные в профессии репортера.

– В высокий сезон всегда очередь, дорогая! Грипп уже забрал первых жертв, и до середины января все пойдет по нарастающей.

– Потом будет передышка до весны, – добавила Романа Левек глубоким теплым голосом.

Андреа повернулась к молодой женщине-танатопрактику и, прежде чем задать вопрос, который давно вертелся у нее на языке, на мгновение замялась. Может быть, всему виной была внешность Романы, немного пугающая окружающих? Элоиза с улыбкой рассмотрела ее наряд.

Полноватая, она придерживалась сдержанного готического стиля: платиновое каре с прямой челкой, тщательно отглаженные темные платья, винтажные очки, как у секретарши. Она постоянно поправляла их средним пальцем и водружала на место. Ее тело украшали десятка два татуировок и с полдюжины пирсингов, а еще она обожала окутывать себя густым сладким ароматом духов *Angel* – единственных, по ее мнению, способных перебить запах смерти. Элоиза всегда восхищалась смелостью Романы и сама бы с радостью оделась во все черное и кружевное. Но ее единственная оригинальность заключалась в длинных юбках до пола и привычке надевать несколько слоев одежды, будто защищаясь от мира.

– Люди чаще умирают весной? – Андреа наконец задала свой вопрос.

– Многие старики и больные ждут, что теплые дни принесут обновление или исцеление, – ответила Романа, убирая светлую прядь за ухо. – Держатся любой ценой, может, чтобы еще раз увидеть солнце... а потом – бах, организм сдает, и они уходят. Поэтому весной работы у нас хоть отбавляй.

– Понимаю, – устало сказала Андреа. – Красиво и печально одновременно.

– Ладно, – вмешалась Лена. – Не хочу вас прогонять, Андреа, но вам ведь надо забрать девочек из школы?

– Вы правы. Похоже, я не очень спешу выслушать нотации их учительницы, – сказала та, проверяя время на телефоне.

– Написать вам объяснительную? – поддразнила Лена.

– Только если будете выдавать их пачками по десять штук! – бросила журналистка на ходу.

Мать-одиночка, Андреа Силва разрывалась между работой и воспитанием двух гипер-активных восьмилетних девочек, которые никогда не упускали случая свести ее с ума. Она любила их яростно, но они изматывали ее почти так же, как военные репортажи в прошлом. Каждый день ей приходилось справляться с заказами, уроками, вшами и капризами детей, не говоря о постоянном чувстве вины за то, что она делает недостаточно. Мужчины? Отсутствуют. Дружба? Роскошь. По вечерам она падала без сил и засыпала, прижимая к щеке еще теплый телефон. Она не была несчастна – просто все ее силы уходило на то, чтобы выживать.

Вскоре ушла и Романа Левек. Глядя ей вслед, Элоиза спросила Лену, зачем та приходила.

– Семья мадам Кейрес опустила фотографии покойной в наш почтовый ящик, вместо того чтобы отдать похоронному бюро. Романа срочно нужны снимки для подготовки лица.

Романа была настоящим мастером своего дела: ей удавалось уловить и передать ту самую искру души, которая делает каждого человека особенным. С Арабеллой она справилась вели-

колепно и бережно сохранила легендарное кокетство старой дамы. Все было сделано настолько искусно, что Элоизе казалось: бабушка просто спит и вот-вот откроет глаза. Увы, мрачный Морфей не разжал объятий.

– Сегодня мне снова подали жалобу, – продолжила Лена, доставая из кармана брючного костюма пакетик «Драгибус»⁵. – На этот раз с могилы сперли ангелочка. Семья в ярости. Хочешь?

– Никогда не отказываюсь, – улыбнулась Элоиза и взяла конфету. – Сколько уже, три кражи за три недели?

– Да, – ответила Лена, проглотив сразу с полдюжины цветных шариков. – Нам надо во что бы то ни стало поймать виновного.

– Легко сказать... Я удвоила обходы и не заметила ничего странного. Несколько случайных посетителей и постоянные, которых я с трудом представляю грабителями могил.

– Кстати, о постоянных... А вон тот тип часом не высматривает что-нибудь?

Лена обвинительно указала на мужчину лет пятидесяти. Темные выющиеся волосы с проседью, маленькие круглые очки, твидовый костюм. Он больше походил на бухгалтера или состоятельного фермера, чем на коллекционера позолоченных безделушек.

– Он приходит сюда месяцев десять, и с ним никогда не было проблем, – ответила Элоиза. – Насколько я знаю, он бывший архитектор, увлекается кладбищами.

– Бывший архитектор? – повторила Лена. – Для пенсионера он вроде слишком молод.

– Может, сменил профессию. Или пережил выгорание. Представители интеллектуальных профессий часто оказываются в группе риска, – возразила Элоиза, включив свою внутреннюю студентку-психолога.

Мужчина, видимо, почувствовал на себе взгляды двух женщин, поднял голову и смущенно помахал им рукой, затем достал блокнот и начал что-то записывать.

– Он полностью в своем мире, – заметила Элоиза. – Не уверена, что он вообще заметил первые рождественские украшения на могилах.

– Жаль, идеальный подозреваемый! Ладно, могу я рассчитывать, что ты будешь особенно внимательна?

– Обещаю! – сказала Элоиза, прощаясь с Леной. – Я еще попрошу завсегдатаев смотреть в оба. Никуда не денется твой кладбищенский клептоман, рано или поздно мы его прижмем!

Наконец-то одна! Элоиза была довольна, что смогла быстро свернуть беседу с начальницей. Учебный день и все неизбежные разговоры после него буквально выжали ее, как лимон, и теперь ей хотелось лишь одного – отгородиться от всего мира и провести вечер в компании хорошей книги. Почитать детектив. А может, даже любовный роман – чтобы хоть ненадолго отвлечься. Но сначала нужно было перечитать конспекты, а потом сделать последний обход: проверить, не остался ли кто-нибудь запертым на кладбище до утра. При мысли о том, сколько еще дел впереди, она устало вздохнула, но, как дисциплинированный солдатик, направилась к мавзолею в конце 13-й Аллеи.

– Привет, Гонзаг! – крикнула она, открывая дверь. – Если бы ты знал, как я по тебе скучала...

Она вошла в усыпальницу, переделанную под служебное жилье, быстро сбросила на стол стопку конспектов и поспешила к Гонзагу. Неаполитанский мастиф великолепного свинцово-серого окраса лениво потянулся на потертом диване и зевнул так широко, что, казалось, вот-вот вывихнет челюсть.

– Иди сюда, красавчик ты мой!

⁵ «Драгибус» (Dragibus) – жевательный мармелад известного немецкого бренда Haribo. *Прим. ред.*

Пес издал низкий, раскатистый лай, выражая свой восторг, и, яростно виляя хвостом, двинулся ей навстречу. В следующую секунду он уже налетел на девушку и едва не сбил с ног, выпрашивая ласку. Он наверняка весил килограммов на двадцать больше нее.

– Тише! Я тоже рада тебя видеть. Но прогулка подождет, у меня работа.

Гонзаг понял, что в ближайшее время ему не светит пометить аллеи кладбища, и недовольно заворчал. Он тряхнул головой в знак протеста и забрызгал стены и потолок длинными нитями слюны. Не обращая внимания на дурное настроение своего четвероногого спутника, Элоиза положила конспект на стол и принялась изучать разные стадии горевания. Теория казалась ей слишком примитивной, чтобы описать всю сложность чувств после потери близкого человека, но, если она хочет перейти на третий курс, нужно все вызубрить и отбарабанить на экзамене.

Она так увлеклась поисками в интернете, пытаясь дополнить лекции, что потеряла счет времени. В чувство ее привел желудок: серия громких урчаний вывела из оцепенения и Гонзага.

– Черт, уже совсем поздно! – воскликнула Элоиза, посмотрев на часы.

Она вскочила со стула, натянула пальто и митенки, наспех нахлобучила шапку и обмоталась длинным шарфом. Затем схватила парку Гонзага – ярко-оранжевую, со светоотражающими вставками, чтобы во время ночного обхода его было видно издалека. Пес послушно подошел и позволил себя одеть. Элоиза с бабушкой со щенячьего возраста приучали его терпеть самые разные наряды – от умильных до совершенно безумных. Они прекрасно понимали, что совсем скоро щенок превратится в огромного пса, чье массивное тело, бесчисленные складки кожи и отвисшие веки, прикрывавшие розовую слизистую глаз, способны напугать кого угодно. Поэтому было решено компенсировать его грозную внешность самым безобидным способом – наряжать в эксцентричные костюмчики. Элоиза закрепила на его голове панаму в тон парке и открыла дверь. Пес схватил любимую игрушку – большую кость для жевания – и выскочил в прохладную ночь вслед за хозяйкой.

Элоиза любила ночные обходы – и летом, и зимой. Умиротворение кладбища разливалось далеко за его пределы, захватывая соседние улицы. Девушка высматривала признаки дикой жизни с тем же восторгом, что и в пять лет. Кто-то тоненько твякает в кустах – значит, там семейство лис. Пара глаз вспыхнула в темноте – бродячий кот. Над головой шелест крыльев и уханье – сова отправилась на охоту.

Элоиза привыкла отпускать свои мысли в свободный полет и позволять им теряться среди темных аллей, которые знала наизусть. Она словно становилась частью этого пейзажа, так не похожего на мир, поглощенный заботами живых. Несмотря на холод, девушка с удовольствием присела бы на скамейку и помечтала, но нужно было торопиться: пора запирать входные ворота. Она подавила дрожь от ледяного сквозняка и стала тихонько напевать любимую бабушкину считалку – точных слов она не помнила и заменяла их бессмысленным бормотанием, – чтобы немного согреться.

Вдруг совсем рядом, меньше чем в двух метрах, раздался пронзительный крик. Элоиза застыла в ужасе и стала искать глазами источник вопля. Нашла быстро. Слева от нее в лунном свете стояла молодая женщина чуть старше ее самой. Увидев ее, незнакомка тоже оцепенела. Затем, словно опомнившись, она быстро перекрестилась и поцеловала висевший на шее кулон. Камень на нем блеснул под звездами.

– Вы... вы настоящая? – хрипло пробормотала она.

– Я похожа на призрака? – съязвила Элоиза.

– Ну да, еще как. Ты себя видела? Одежда из другого века и этот адский пес рядом. Он, кстати, жрет чьи-то останки или что?

Смутившись, молодая смотрительница нервно сжала пальцами складки длинной юбки и посмотрела на Гонзага. С костью в пасти он действительно походил на расхитителя могил и сводил на нет все ее попытки сделать его менее пугающим. Элоиза наклонилась к псу и ласково похлопала его по боку.

– Это резина. Ему нужно что-нибудь грызть, а иначе он возьмется за мои туфли. Но я тебя уверяю, он кроткий как ягненок, – ответила она, тоже переходя на «ты». – Правда, Гонзаг?

Пес понял, что пора произвести лучшее впечатление. Он сел и аккуратно положил игрушку перед собой, изобразив самую милую морду, на какую был способен.

– Ну ладно, а ты что здесь делаешь после одиннадцати? – продолжила Элоиза. – Кладбище закрыто.

– Да? Ворота были открыты, и я подумала, что проще прийти сейчас, чтобы ни с кем не столкнуться...

Голос ее сорвался на всхлип. Она явно смутилась, глубоко вдохнула и постаралась взять себя в руки. Элоиза отвернулась, чтобы дать ей время вытереть слезы.

– Это недавняя потеря? – спросила она.

– Да... Мой парень.

– Мне очень жаль.

– Спасибо. Мне тоже жаль, что я нарушила правило.

– Не переживай, я понимаю. Но мне все равно придется проводить тебя к выходу, – сказала Элоиза и двинулась вперед. – А если в следующий раз тебе что-то понадобится, постучи в дверь мавзолея в конце 13-й Аллеи. Я там живу.

– Не хочу тебя беспокоить, – ответила девушка виновато.

– Я для этого и здесь, не волнуйся. Кстати, меня зовут Элоиза, я смотрительница кладбища, – добавила она, когда они дошли до ворот.

– А я Бетти. Спасибо за доброту, Элоиза.

Бетти грустно улыбнулась. Казалось, она медлит переступить порог, словно боится оставить любимого. Теперь, при свете уличных фонарей, Элоиза смогла рассмотреть ее лучше. Высокая, спортивная, из тех уверенных в себе и помешанных на здоровом образе жизни девушек, которым Элоиза всегда немного завидовала. В темноте она не могла разглядеть цвет ее волос, но готова была поспорить, что они огненно-рыжие и идеально дополняют ее образ в стиле фолк-рок. Элоиза уже шагнула вперед, собираясь деликатно направить Бетти к выходу, как вдруг Гонзаг заметил кота и с оглушительным лаем ринулся в погоню.

– Черт, он сейчас весь квартал разбудит! – выругалась Элоиза и рванула следом.

Поймать Гонзага удалось не сразу. Она отчитала его и пристегнула кожаный поводок к кольцу на ошейнике. Когда они вернулись к воротам, там уже никого не было. Девушка тщательно заперла их.

– Ну ты и молодец! Только начал производить на нее приятное впечатление...

Но Элоиза не стала задумываться ни о проделках своего четвероногого спутника, ни о поспешном уходе Бетти. Ей хотелось скорее оказаться в тепле и открыть хороший роман. Она взглянула на тонкие золотые часы, доставшиеся от бабушки: в полночь она уже будет в объятиях Морфея. По дороге к мавзолею пришлось все же несколько раз остановиться, чтобы Гонзаг успел облегчиться и обменяться новостями с другими собаками.

Вернувшись, Элоиза сняла верхнюю одежду и проглотила чертовски сбалансированный ужин: несколько сухих печенек, которые она макала во фруктовый йогурт. Затем с блаженным вздохом юркнула под одеяло с детективом о реальном преступлении. Она едва успела прочитать первые строки и тем более не успела понять, убила женщина из книги пятого мужа или уже шестого, как вступила в соревнование по храпу с Гонзагом, который был счастлив наконец прижаться к ней.

Но сны оказались вовсе не такими сладкими, как она надеялась. В них смешались лекция о горевании, лицо бабушки и кладбище, населенное мертвыми возлюбленными. Поэтому, когда в дверь забарабанили с учтивостью пьяного тролля, она восприняла этот громкий подъем почти с облегчением.

– Элоиза! Просыпайся! – кричала Лена, теперь уже колотя по стеклам мавзолея.

Шведский акцент звучал сильнее обычного, и за ним чувствовалось глубокое волнение. Элоиза посмотрела на часы: шесть утра. Что-то было не так. Встревоженная, она поспешила открыть.

– Что случилось?

В голове пронеслась тысяча предположений. Воришка безделушек снова нанес удар? Или его поймали с поличным? Бетти не ушла с кладбища – и разрисовала могилы? Последний покойный оказался не совсем мертв и выбрался из гроба? На самом деле Элоиза нарочно выдумывала все более нелепые версии, лишь бы не представлять худшее.

– Это Мама Но, – еле выговорила Лена со слезами на глазах. – Идем.

Холод вцепился в Элоизу, едва она высунула нос наружу. Девушка подняла воротник, поежилась и молча пошла за Леной. Они перешли улицу в тяжелой, почти нереальной тишине, как две фарфоровые куклы – хрупкие и безмолвные. Мигающие гирлянды «Джингл-бара» заливали тротуар слишком ярким, почти наглым светом, и бесстыдно соперничали с маячками машин экстренных служб, которые окрашивали небо электрической синевой.

Женщины обогнули внушительное кладбищенское здание, молча шагая по промерзшей земле, и вскоре вышли в переулок к дому Элиз. Там уже собралась толпа любопытных. Красно-белая лента оцепления удерживала людей на расстоянии и едва заметно колыхалась на ветру. Атмосфера была странной – словно на замершей во времени ярмарке. Только шепотки и тяжелые вздохи зевак нарушали эту неподвижную картину.

Пробравшись сквозь толпу к самому оцеплению, Лена и Элоиза застыли. От увиденного перехватило дыхание. Полицейские деловито и почти бесшумно выполняли свою работу, а судебный медик, закутавшийся в слишком просторную парку, с серьезным видом что-то записывал в блокнот.

Тело Элиз лежало на земле. Ноги поджаты, как у младенца в утробе, голова повернута к кладбищу – словно даже после смерти она продолжала искать взглядом человека, которого навещала накануне, – свою единственную любовь, того, кого ей так не хватало.

2 декабря

Утром 2 декабря Элоиза и Лена зашли в «Джингл-бар», как и многие из тех, кто видел бездыханное тело Элиз. Они устроились за круглым столиком. Вскоре к ним присоединились Романа и Андреа, а затем Мария – еще одна постоянная посетительница кладбища, которая после смерти бабушки стала для Элоизы огромной поддержкой благодаря своей доброте и отзывчивости.

Было так странно находиться здесь сегодня.

Кафе было полностью украшено к Рождеству, и на площади в шестьдесят квадратных метров царил праздничная атмосфера. За стойкой, над большим зеркалом, украшенным веточками остролиста, возвышался улыбающийся бюст Санта-Клауса. По обе стороны зеркала стояли полки с бутылками и рождественской посудой, мерцающие в свете разноцветных гирлянд. Стены были сплошь увешаны картинами и безделушками с изображением Санты и его помощников. А одна стена – та, что вела к туалетам, – и вовсе скрывалась за красно-зеленым светящимся занавесом.

Все вокруг кричало о веселье и празднике. Музыка не смолкала ни на минуту. Праздничные мелодии со всего света бодро неслись на улицу через колонки, висящие над витриной, покрытой трафаретными рисунками снежинок.

И так было всегда. Рождество здесь праздновали круглый год.

Для одних «Джингл-бар» служил убежищем от одиночества. Для других – невероятно фотогеничной достопримечательностью, созданной для соцсетей. Третьи считали его воплощением безвкусного китча и морщились при одном упоминании о баре.

Равнодушным это место не оставляло никого.

Для Элоизы оно было чем-то вроде пасхалки Пруста. Слишком много воспоминаний связывало его с любимой бабушкой. Каждую субботу зимы Арабелла приводила ее сюда выпить...

– Какао! – объявил хозяин заведения и поставил перед ней любимую кружку – тиранно-завра в красно-белом колпаке.

Жоэль Бонфуа неизменно носил рождественские свитера – уродливые, но чистые, а порой даже выглаженные. К ним прилагались вельветовые брюки и домашние туфли с потертыми подошвами. От него пахло корицей и гвоздикой, а говорил он так же, как подавал горячие напитки: мягко, внимательно и с бесконечным терпением.

В свои шестьдесят два года Жоэль оставался сердцем «Джингл-бара». И это сердце проносило «хо-хо-хо» даже в июне.

Элоиза взяла фарфорового динозавра и поднесла горячий напиток к губам.

– Сегодня я добавил побольше корицы. Так будет немного легче пережить случившееся. Это ужасно... – тихо сказал он, прежде чем разнести напитки остальным. – До сих пор не могу поверить, что Элиз больше нет.

– Присядьте с нами, Жоэль, – предложила Лена. – Пожалуй, вы знали Элиз даже лучше нас...

Это была чистая правда. Хозяин бара, с бархатным голосом и походкой старого плюшевого медведя, обладал поразительной способностью: он помнил имена всех своих клиентов, их любимые напитки и даже возраст их собак.

– С тех пор как она поселилась в нашем квартале, в восемьдесят шестом, – подтвердил он, подтягивая стул. – Мне тогда было двадцать три. Я только получил бар в наследство и понятия не имел, что с ним делать. Именно с нее все началось: она заказала мой самый первый коктейль – «Бонни и Клайд»...

Он осекся и украдкой смахнул слезу с круглой щеки. Казалось, сама мысль о том, что Элиз больше никогда не попросит свой любимый напиток, была для него невыносимой.

Лена накрыла его руку своей.

– Это ведь вы нашли ее?

– Да. Сегодня утром. Но, по предварительным выводам полиции, она упала с балкона еще вечером. Я был в баре, однако ничего не слышал. До сих пор не могу себе этого простить.

Для Жоэля, который относился к постоянным гостям почти как к родственникам, случившееся в нескольких шагах от заведения стало настоящим ударом.

– Вы бы уже ничем не смогли помочь... И чего ее понесло кормить этих проклятых птиц! – с досадой бросила Лена.

– Каких птиц? – удивилась Элоиза.

– Вокруг тела нашли множество крошек, – пояснила Андреа Силва. – Полицейские решили, что она сорвалась вниз, когда пыталась задать корм своим пернатым.

Журналистка неловко кашлянула. Ей было немного стыдно располагать сведениями, которых еще не знали близкие Элиз. Однако работа над некрологами и природное любопытство заставляли ее держаться рядом со следствием.

– Кстати, а где ваши девочки? – спросила Лена. – Для школы еще слишком рано.

– Соседка выручила меня этим утром. Я...

– Подождите, – перебила Элоиза, сама пораженная тем, как громко прозвучал ее голос. – Вы хотите сказать, что полиция считает это несчастным случаем? Это невозможно!

Все взгляды тут же устремились на нее, и Элоиза почувствовала, что краснеет до кончиков ушей. Но это ее не остановило. Поняв, что сумела завладеть вниманием собравшихся, она уже собиралась продолжить, но тут в бар вошли двое новых посетителей: Арман, загадочный архитектор, и Бетти, та самая девушка, которую Элоиза встретила ночью на кладбище. Мужчина быстро оглядел помещение, заметил компанию и уверенно направился к их столику.

– Можно?

– Вообще-то... здесь собрались люди, которые знали Элиз, – осторожно заметила Лена.

– Я как раз из их числа, – спокойно ответил он. – До сих пор не верится, что ее больше нет. Она была невероятно жизнелюбивой женщиной.

Не дожидаясь приглашения, Арман отодвинул стул и сел рядом с Романой, оставив за собой легкий шлейф табака и ветивера. Романа слегка отодвинулась и прикусила заусенец на большом пальце.

Неловкость повисла в воздухе. Жоэль решил немедленно ее развеять.

– Кажется, я еще не видел вас здесь. Дайте угадаю: вам колы и кружочек апельсина?

– Признаюсь, у меня настоящая зависимость от кока-колы, – подтвердил загадочный архитектор. – Но апельсин, пожалуй, будет лишним.

Говорил он почти так же быстро, как Элоиза, удивительным образом сочетая уверенность в себе с подчеркнутой вежливостью. А его безукоризненный французский только усиливал впечатление. Помимо воли очарованная его голосом, Элоиза слегка наклонилась к нему.

– У Жоэля есть особый дар. Уверена, вам понравится, – доверительно прошептала она.

- Что ж, тогда попробуем и апельсин. Господин?..
- Бонфуа, – ответил тот. – Но все зовут меня Жоэль.
- А я Арман Дюфрен.

Пользуясь моментом, Элоиза поискала взглядом Бетти и увидела, что та устроилась за соседним столиком, который только что освободил другой посетитель. Элоиза улыбнулась ей и уже собиралась пригласить присоединиться, когда чья-то рука легла ей на предплечье.

- Подожди-ка, моя дорогая. О чем ты говорила до того, как этот господин нас прервал?

Мария Флорес, жизнерадостная португалка слегка за сорок, никогда не оставалась незамеченной. Да и как не обратить на нее внимание? Сережки в форме сердечек, цветастые платья, кружившиеся вокруг бедер при каждом шаге, мужской парфюм, предупреждавший о ней за три секунды до ее появления, и этот смех – громкий, заразительный, на который люди обобщались и даже самые угрюмые невольно начинали улыбаться. Она врывается в любую комнату, словно латиноамериканская песня, включенная на полную громкость в старом радиоприемнике: яркая, теплая и совершенно не склонная спрашивать разрешения занять собой все пространство. Но за украшениями и кокетливыми шутками скрывалась куда более печальная история, которой она делилась редко – только с теми, кому действительно нужно было ее услышать. История женщины, однажды сказавшей: «Больше никогда».

Помимо временной работы кассиром в супермаркете, Мариа иногда пела в барах и состояла в организации, помогающей жертвам домашнего насилия. Феминистка до кончиков ногтей, она при этом оставалась обаятельной сердцеедкой, перед которой многим было трудно устоять.

- Простите, – смущенно пробормотал Арман. – Я не хотел мешать.
- Охотно верю, – ответила Мария, пристально глядя ему в глаза.

Между ними мгновенно началась безмолвная дуэль. Обычно Элоизу подобные сцены забавляли – она любила наблюдать за людьми, – но сегодня у нее не осталось сил на чужие конфликты.

– Это не может быть несчастным случаем, – повторила она, стараясь вернуть разговор в нужное русло. – Мама Но сама сказала мне вчера: она больше не кормит птиц. Она физически не смогла бы выйти на балкон. Ей даже ногу нормально согнуть было трудно!

Неужели только она помнила, как тяжело приходилось Маме Но? Ее непослушное колено, боли, которые она неизменно преуменьшала... Ведь именно поэтому она и согласилась на помощь социального работника.

Элоиза обвела взглядом зал. Наконец ее внимание остановилось на невысоком мужчине с растрепанными каштановыми волосами, который, ссутулившись, прислонился к стойке бара. Кажется, она видела его совсем недавно? Или ей показалось?

Жан-Люк Клермон обладал удивительной способностью оставаться незамеченным. И все же в нем было что-то такое – простое, доброе, чуть неуклюжее, – что располагало с первой минуты. Хотелось сразу же либо доверить ему все свои секреты, либо угостить чашкой горячего кофе. Его манеры напоминали скаута старой закалки, а в речи то и дело проскакивали старомодные словечки и выражения, которые он охотно подхватывал у своих подопечных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.